

Юлия Шамаль

СИСТЕМА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш19

Серия «Виноваты звезды»
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Шамаль, Юлия Федоровна
Ш19 Система / Юлия Шамаль. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 350 с. (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-119434-5

Будущее наступило, каждому человеку на планете отныне присваивается рейтинг. От количества баллов зависит качество жизни. Дочь одного из создателей Системы Лара Смирнова стремительно начала терять баллы. По собственной дури, не иначе, ибо чего ей, казалось бы, не хватало? Муж-умница, человеческая работа — редкость по новым временам, у людей работы почти нет. Ей бы взять себя в руки да исправиться, но нет же — Лара скатилась к самому дну, о котором она еще вчера не имела ни малейшего понятия. Зоны, забитые умирающими людьми, не нужными после Первой и Второй беспилотных революций. Дикое гетто для однопалльников, где ей предстоит научиться выживать. И приглашение присоединиться к штабу Сопротивления, к жалкой кучке сумасшедших фанатиков. Ведь нормальный человек никогда не решится бросить вызов самой Системе...

© Юлия Шамаль, текст, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Будущему или прошлому — времени, когда мысль свободна, люди отличаются друг от друга и живут не в одиночку, времени, где правда есть правда и былое не превращается в небыль. От эпохи одинаковых, эпохи одиноких, от эпохи Старшего Брата, от эпохи двоемыслия — привет!

Джордж Оруэлл. 1984

Я смотрела на электронное табло за спиной эмиссара абсолютной Свободы и понимала, что время уходит. Такие табло расставили во всех эмиссариятах, чтобы отлавливать нарушителей десятиминутного присутственного правила. В самом деле, очереди большие, если каждый начнет рассусоливать за счет свободы других... Мое время истекало: из десяти минут прошло уже пять, а мы до сих пор не сдвинулись с мертвой точки.

Я попыталась еще раз:

— Поймите, у меня не может быть такого низкого рейтинга! Это какая-то ошибка!..

Эмиссар душераздирающе зевнула, посмотрела сквозь меня и навалилась большой грудью на стол. Гладкая, полная, самодовольная, она все еще носила прическу, которая вышла из моды эдак в середине две тысячи тридцатых.

— Какие наши главные ценности? — задала эмиссар казенный вопрос.

Не отвечать на такие вопросы было нельзя.

— Свобода, доверие, открытость, — сказала я несколько более вяло, чем надо бы.

— Вот! — Эмиссар подняла указательный палец, на котором сияло крупное кольцо с нефротом — не путать с нефритом — новейшим достижением биобижутерии. — Вот именно! Свобода, Доверие и Открытость!

Я с тоской посмотрела на табло. Оставалось три минуты сорок секунд.

— Разве Свободой и Доверием объясняются ваши поступки? Вы опоздали на три дня с платежом по кредиту! И не предупредили банк!.. Вы не могли не понимать, что это автоматически понизит ваш рейтинг.

— Да, но это же первый раз за всю мою жизнь! У меня всегда была отличная кредитная исто...

— Это не все. — Эмиссар легким прикосновением разбудила стоящий перед ней монитор: вспыхнули и разбежались по экрану разноцветные цифры и графики, в правом верхнем углу всплыл мой профиль. В тревожной грязно-зеленой рамке. — Вот что еще повлияло — ваши запросы в Сети...

Три минуты десять секунд.

— Зачем вы все время ищете гадкие истории? Какие-то убийства, ограбления, маньяки, потом Калигула этот почему-то... Нормальный человек в три часа ночи не будет по двадцати разным источникам собирать информацию про Калигулу, он спать будет...

Вот еще запрос: совокуплялась ли Екатерина Вторая с конем или это миф. Ну будь вы зоо, я бы еще поняла, но у вас же в статусе заявлен «гендер традиционный». Вы странно себя ведете.

Две минуты.

— Количество, а главное качество употребляемых вами слов — вот опять-таки, все же как на ладони, я ничего не придумываю — посмотрите сами!

Эмиссар слегка развернула монитор — так, чтобы мне тоже было видно.

— Пожалуйста, последний ментальный скрининг: в вашем ежедневном словаре только четырнадцать и три десятых процента слов лексически соответствуют принципам Свободы, Доверия и Открытости. Только четырнадцать! А семьдесят восемь процентов вашего вокабуляра говорит о том, что вы тревожны. Семь целых семь десятых процента произносимых вами слов свидетельствуют об агрессии по отношению к общественному устройству, ваши СС-друзья, между прочим, это отмечали. И это при всем при том, что у вас есть человеческая работа! Вы что, ее не цените, я не пойму? Слово «Доверие» и производные от него в прошлом месяце вы четырнадцать раз написали с маленькой буквы! У вас же грамотность 99%, вы зачем это делаете? И вам еще не нравится, что ваш рейтинг снизился до семи? Удивляюсь, что он у вас не три — с такими-то данными.

Одна минута. Я кусала губы и изо всех сил крепилась. Давать волю слезам в эмиссариате — последнее дело. Эта гримза еще один балл может срезать, с нее станется.

— Меня же уволят, — пробормотала я.

— Ну вот, опять, — вздохнула эмиссар. — Слово из прошлого. Свидетельствует о не-Доверии к Системе. Не уволят! А о-Сво-бо-дят!

Раздался электронный сигнал, говорящий о том, что до конца моей присутственной сессии осталось тридцать секунд.

Эмиссар протянула руку и прикрыла ладонью мои дрожащие пальцы.

— Поймите, — сказала она тем проникновенным тоном, каким умеют говорить только профессиональные эмиссары и только под конец очной сессии с посетителем, — у вас нет поводов для беспокойства. Система — абсолютно справедлива. В отличие от людей она не страдает тревожностью, беспокойством, не-Доверием. Она просто отражает вас. Как только вы приведете себя в порядок — ваш рейтинг повысится.

Большая слезинка предательски скользнула по моим ресницам и капнула на жирную ненавистную руку. Как раз рядом с нефротовым кольцом. Раздался звук гонга. Сессия была окончена.

— Все-таки ваш рейтинг не семь, — сказала эмиссар, брезгливо вытирая руку салфеткой. — То-то я удивлялась. Подтверждаю шесть, и то, как говорится, за красивые глаза. Освободите кресло посетителя.

Я не чувствовала в себе достаточно сил, чтобы встать и освободить кресло, и поэтому продолжала сидеть. Рядом вырос худой прыщавый пацан в серой форме и неторопливо загнусавил.

— Госпожа посетитель! Напоминаю о том, что вы живете в Обществе абсолютной Свободы. Согласно статье шестнадцатой главы третьей Всеобщей конституции ваша личная свобода не должна стеснять личную свободу других членов общества...

Я устало поднялась.

— Заткнись, придурок, — сказала я пацану и лишилась еще одного пункта рейтинга.

Глава 1

ПЯТЬ

Двенадцать баллов — это был рейтинг мечты. Такой рейтинг позволял брать легкие и дешевые кредиты. Получать социальные пособия. Рожать детей. Иметь персональный автомобиль. Покупать и оформлять в собственность недвижимость. Выбирать себе работу из реестра вакансий, а не торчать годами на свободной бирже.

Двенадцатибалльник имел право бесплатно поступить в высшее учебное заведение. Получал доступ к магазинам органических товаров. Пил воду категории А и дышал А-воздухом, так как имел право жить и отдыхать в экологических зонах премиум-класса, соответствующих двенадцати баллам. Мастера биобижутерии выезжали на дом. Двенадцатибалльник пользовался лучшими достижениями цивилизации — то есть практически жил в раю.

Но главное, двенадцать баллов означали уважение и достойное место в обществе.

— Двенадцать — это Доверие. Запоминаем, дети, оба эти слова начинаются на Д, — так учили детей в первом классе Свободной школы.

Говорили, что сам Универсум — универсальное приложение, объединяющее социальные сети, платежную систему и портал госуслуг, — когда-то программировался именно под запросы двенадцатибалльников. Им была доступна престижная рамка профиля — оранжевая.

Оранжевый двенадцатибалльник был ярким и понятным символом того, что такое рейтинг. И что может дать человеку Система, если человек ей доверяет. Нет, не так, Доверяет с большой Д.

Главным в рейтинге была его абсолютная честность и непредвзятость. Впервые в истории людей наконец-то начали оценивать не по рождению, богатству или образованию. А по морально-нравственным качествам и социальным привычкам.

Система действовала просто: если человек вовремя платил кредиты, не имел за душой серьезных правонарушений (а мелкие штрафы гасил исправно), не вел предосудительных речей и не строчил в Сети ничего подозрительного, если его запросы в соцсетях не содержали ничего запрещенного и соответствовали заявленному сексуальному статусу, если в друзьях у человека были, в основном, приличные люди и отзывались о нем хорошо — то такому гражданину Система присваивала искомые десять-двенадцать баллов. Символ состоятельности и успеха.

«Если будешь хорошо учиться, станешь десяти-, а может, если Небо позволит, и двенадцатибалльником. А перед двенадцатибалльником открыты все двери, — так в детстве говорила мне мама. И грустно добавляла: — Как раньше было у отца...» При этом

она кивала на храпящего на диване вечно пьяного батяню, который скатился до семерки и тренд имел хуже некуда. Я смотрела на отца с презрением и недоумевала, как можно было до такого дойти — взять да и растерять свой рейтинг!

Я всегда была уверена, что со мной такого в принципе не могло произойти: в отличие от отца я не пила, работала, соответствовала статусу и вообще. И вот поди ж ты.

* * *

«Как мама все это переживает?» Это было первое, о чем я подумала, когда на ватных ногах спустилась по ступенькам эмиссариата. Сейчас она заглянет в мой профиль, чтобы узнать, как дела, увидит пять баллов и все... Разразится катастрофа.

Знаете это чувство, когда происходящее кажется кошмарным сном?..

Не понимая, что теперь делать, я присела на скамейку у входа рядом с хорошо одетой пожилой женщиной. Дама равнодушно смерила меня взглядом, привычно скользнула глазами по моим биочасам, заметила цвет профиля и подскочила как ужаленная. Встала, отошла в сторонку, кутаясь в натуральную шаль, — с севера дул холодный ветер. Ну и скрежь с ней, с этой стервой. Я натянула рукав пальто пониже, чтобы прикрыть экран биочасов.

Не отморозить бы себе на этой скамейке пятую точку — в замечательном-то климате нашей зоны В. Которую мне, кстати, предстоит скоро покинуть, если

я не верну прежние цифры... При этой мысли меня прошиб холодный пот. Я всю жизнь прожила в благополучном районе и понятия не имела, что происходит с людьми, которым приходится уезжать в нижние зоны.

В детстве, кстати, этот вопрос живо меня интересовал. Когда я училась во втором классе Свободной школы, я как-то раз спросила учительницу, что происходит с людьми, у которых рейтинг падает до нуля? Высокая чернявая и очень молодая Рита Фаустовна разволновалась и сказала, что таких людей не бывает. Именно поэтому, мол, школьная табличка номер один ставит нулевикам прочерк. Их не существует. Это, мол, гипотетическая вероятность. И вообще люди всегда только улучшают, а не ухудшают свой рейтинг. Такой ответ меня не устроил, и я повторила вопрос дома. Мама тоже сказала, что нулевиков не бывает. А отец возразил, улыбаясь:

— Еще как бывают...

— Фу, Федя, прекрати, — сказала мама испуганно.

Отец подмигнул мне:

— Не слушай женщину, Лара, она трусит сказать правду. Бывает такое, что человек скатывается до нуля.

— Это я трушу?!

— И что тогда с человеком происходит?!

Эти два вопроса мы задали хором. Мамин вопрос отец проигнорировал, а мне ответил задумчиво:

— Ну как тебе сказать... Скажем, его отключают от Системы.

Тут мама возмущенно прервала разговор, и у них началась обычная перепалка про «с ума сошел» и «не при ребенке».

— Уж я-то имею право это ей сказать!

— Зачем ей вообще это все знать? Ей это, тьфу-тьфу, не грозит!

— А с чего ты взяла, что не грозит?!

— Система не допустит!

— Ах, Система?!

Тут батя громко и грозно выругался по адресу Системы, всех ее создателей и их подлинных намерений. Мама зажала ему рот:

— Тихо, ты! Баллы и так хуже некуда.

И добавила горько:

— Мою жизнь ты сломал, не смей портить будущее моей дочери... У нее есть все шансы.

Это была правда, в школе я подавала большие надежды — по крайней мере так считали учителя и родители. В день девятилетия меня, как и всех достигающих этого возраста школьников, зарегистрировали в Системе. В моем случае это сделал не классный руководитель, а лично директор — да еще с небольшой поздравительной речью, потому что я была отличницей. На следующий день эмиссар торжественно надела на меня первые, пока еще простенькие био-часы. Это было важное событие для всей семьи — мама заплела мне красивую косу и заказала столик в органическом ресторане.

Этот вечер врезался в мою память: батя, как обычно, выпил лишнего и начал громко ерничать на

тему, какое же это чудо — биочасы! Как здорово, что их изобрели. Какое же мы счастливое поколение — у нас есть рейтинги, биочасы, а главное — биобижутерия! Каждый желающий теперь может вставить себе в задницу умный, а главное — красивый сфинктер! «Что такое сфинктер?» — спросила я громко. Сидевшая за соседним столиком женщина оглянулась на нас и рассмеялась. После этого мама окончательно вышла из себя и пригрозила эмиссариатом, а батя вздохнул, иронически выпил:

— Ну, за Свободу, — и надолго замолчал.

Отец был диссидентом-одиночкой. Я ни разу не слышала, чтобы кто-либо кроме него когда-либо ругал Систему. Это было так же глупо, как поносить беспилотники, или телемедицину, или научный прогресс как таковой. Система была нашей средой, нашим воздухом, нашей защитой, высшим достижением и мягким климатом нашей цивилизации.

Интересно, что мой отец и его близкий друг дядя Ленья были прародителями Системы.

В молодости они работали программистами первой категории, это их отдел писал программы первых ментальных скринингов, на которых сейчас строится работа всех эмиссариатов и всей Системной полиции. Отчетов о личности человека и его намерениях.

Толчком к созданию скринингов стали так называемые школьные расстрелы. Я не понимала, что это такое, а отец объяснял:

— Дети приходили в школу с оружием и расстреливали одноклассников. Убивали, да. Я видел соб-

ственными глазами: весь класс в крови, учительница дергается в конвульсиях на полу между партами...

В этом месте мама, как правило, просила изба-вить нас от подробностей, и отец продолжал:

— И самое удивительное, что эти подростки долго и откровенно готовились. За полгода начинали выкладывать в Сети фотографии преступлений, восхищаться ими. Писали в открытую: «Я всех ненавижу! Я буду убивать!» — и никто не реагировал.

— Почему?

Отец пожимал плечами.

— Не верили. Тогда считалось, мало ли, кто что пишет. А Леня первый сказал: надо заниматься преступлением не ПОСЛЕ того, как оно совершилось, а до!

Этот Леня одно время часто захаживал к нам в гости по вечерам. Среднего роста, скромный и, на первый взгляд, очень застенчивый человек. Узкие внимательные глаза. «Когито, эрго сум» — первая фраза на латыни, которой меня зачем-то учил дядя Леня: «Мыслью — следовательно, существую». Он развивал эту идею: «И, следовательно, действую. Мысль о преступлении — сама по себе уже преступление, правы были древние христиане».

Отец был не согласен, они часто спорили и даже ругались, и вся дяди-Ленина застенчивость при этом куда-то девалась. «Нельзя же судить и наказывать за мысли!» — кричал батя. «Это ты родителям убитых детей скажи, про мысли!.. — У дяди Лени был высокий голос, который, когда он волновался, срывался фистулой. — Мысли становятся реальностью,

пойми ты!» «Я не буду в этом участвовать! Нужна грань!» — и, вспоминая про грань, папа, как правило, грохал кулаком по столу.

Так они ругались, наверное, с год, батя то и дело громогласно «уходил с проекта», но в итоге им удалось найти загадочную грань и алгоритмизировать ее. Написанная дядей Леней и моим отцом программа фьючерсных ментальных скринингов произвела фурор и мгновенно сделала их знаменитыми. Программа Фельдмана—Смирнова (фамилии дяди Лени и моего отца соответственно) определяла с вероятностью 99,9%, перейдет ли потенциальный преступник от слов к делу.

Это была революция.

Дядю Леню назначили координатором Единой межгосударственной программы по контролю над агрессией, отец стал его первым замом. Многие годы ушли на то, чтобы отладить программу и встроить ее в Систему. Это благодаря отцу и его лучшему другу ни одно грубое слово больше никому не проходит даром. Отец лично добивался того, чтобы алгоритмы, анализирующие лексикон человека, не просто маркировали агрессивные слова, но и учились читать между строк — использовали психологические и психолингвистические аналитические платформы. Плюс — считывали через биочасы и кончики пальцев давление, температуру и прочие кожно-гальванические реакции в момент употребления человеком тех или иных слов. В итоге Система научилась узнавать намерения преступника раньше, чем он сам!